

Ева Арк
**Анри и
Анриетта**

18+

Ева Арк

Анри и Анриетта

<https://litres.ru/74259038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эпоха кружев и шпаг, дворцовых интриг и этикета – Франция времён молодого Людовика XIII. В этом мире Анри, бастард короля, и Анриетта, внебрачная дочь герцога, с детства считались близнецами, и их чувства были обречены оставаться родственными. Но завеса тайны приоткрывается: они не родные брат и сестра. Смогут ли влюблённые преодолеть вековые предрассудки, интриги окружения и зловещее семейное проклятие, которое, кажется, ведёт их к неизбежной трагедии? История о выборе между долгом и любовью, где цена счастья может оказаться слишком высокой.

Содержание

Часть I	4
Брат и сестра	4
Глава 1	4
Анри и Анриетта	4
Глава 2	21
Проклятие Лалена	21
Глава 3	40
Тайна Элизабет	40
Глава 4	58
Свадебные танцы	58
Глава 5	77
Охота	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Анри и Анриетта

Часть I

Брат и сестра

Глава 1

Анри и Анриетта

– Господин граф! Мадемуазель! – донеслось издалека.

– Кажется, это Марта нас зовёт! – прислушавшись, сказал с улыбкой молодой человек со светлыми карими глазами, крупным носом и шапкой каштановых волос. – Совсем как в детстве!

Анриетта, чьи тёмные волосы рассыпались по плечу брата, тоже приподняла голову. Её лицо не обладало классической красотой, и скорее, было милым, приятным, с ровным носиком и розовыми губками. Застенчивая улыбка смягчала черты, делала взгляд голубых глаз более мягким, не рассеивая полностью его задумчивость.

– Давайте ещё немного посидим, дорогой брат, – попро-

сила девушка. – Ведь мы так редко видимся!

– Ну, хорошо, мой ангел, – Анри покровительственно обнял её за талию.

В этом жесте, казалось, было что-то большее, чем братская нежность. Близнецы выглядели скорее влюблённой парочкой. Даже внешне они были разные: рослая, статная Анриетта и невысокий, но широкоплечий Анри. Здесь, в тисовом лабиринте, где тени переплетались с солнечными бликами, а воздух был напоен ароматом цветов из сада, брат и сестра могли позволить себе на короткое время вернуться в детство. Вспомнить те дни, когда окружающий мир казался проще, а их привязанность – вечной. Они могли говорить обо всём и ни о чём, делиться сокровенными мыслями и мечтами, не боясь осуждения или непонимания.

– Время летит так быстро, – произнёс Анри низким, бархатным голосом. – Кажется, ещё вчера мы прятались в лабиринте от Марты...

Его живое лицо на миг омрачилось грустью.

– Помните, как мы однажды заблудились? – уже более весело продолжил он. – Вы тогда так испугалась!

– А вы храбро искали выход!

– Я всегда буду вашим защитником! – губы Анри коснулись волос Анриетты.

Девушка блаженно улыбнулась. В этот момент тишина лабиринта стала ещё более ощутимой. Звуки внешнего мира – пение птиц, шелест ветра и журчанье фонтана – казались да-

лёкими и неважными. Важным было только это мгновение и новое невысказанное чувство, которое витало между ними.

– Мне показалось вчера, что графиня де Сольё, наша тётушка, чем-то расстроена, – после паузы заметил молодой человек.

– Да, она поссорилась с бароном де Монбаром.

– И в чём же на этот раз провинился её любовник? – в голосе Анри прозвучала ирония.

– Прошу вас, не выражайтесь так грубо, дорогой брат!

– Ладно. Чем вызвал господин барон недовольство госпожи графини?

– Недавно он получил письмо от своей супруги...

– Я думал, баронесса де Монбар скончалась!

– Она приказала отправить это письмо после своей смерти. Госпожа баронесса попросила мужа удочерить её внебрачную дочь, которую родила четырнадцать лет назад...

Неожиданно Анри расхохотался. Его смех был таким заразительным и громким, что Анриетта, вначале недоумённо смотревшая на брата, тоже невольно улыбнулась. Между тем молодой человек продолжал смеяться, словно услышал самую смешную шутку в своей жизни. Наконец, вытерев выступившие на глаза слёзы, он сказал:

– Простите меня, дорогая сестра. Но дело в том, что таких мужей называют при дворе «кукушкой».

– Почему?

– В силу того, что жена подкидывает в их гнездо незакон-

ных детей.

– Странный парадокс, – заметила Анриетта. – Скорее, так бы следовало называть неверных жён.

– Впрочем, всё справедливо: пока барон де Монбар предавался плотским утехам с тётушкой, его супруга наставляла ему рога в Англии!

– Умоляю вас, не говорите таких слов!

– Обещаю, больше не буду!

– Значит, скоро наша семейка пополнится на одну бело-брысую англичанку, одетую по моде наших бабушек и что-то лопочущую на непонятном языке? – вытерев выступившие на глазах слёзы, сказал брат Анриетты.

– Не думаю, дорогой брат. Госпожа графиня заявила барону де Монбару, что ноги этой англичанки здесь не будет. А если он вздумает удочерить её, то ворота нашего замка закроются для него навсегда!

– И что ответил её... барон де Монбар?

– Не знаю. Только вот уже третью неделю он не показывается в Сольё.

Некоторое время близнецы сидели молча. Наконец, Анри задумчиво произнёс:

– Может, мне съездить в Монбар и узнать, что там и как?

– Если хотите знать моё мнение, то нам лучше не вмешиваться в это дело.

– Пожалуй, вы правы. Хотя мне жаль барона де Монбара. Он – благородный человек, и, по сути, заменил нам отца.

– Возможно, всё к лучшему: присутствие здесь друга тётушки компрометировало её. К тому же герцог де Оре, наш отец, слава Богу, жив.

– Хотя мы видели его реже, чем барона де Монбара.

– Расскажите, как там король и королева-мать? – после паузы попросила Анриетта, желая сменить тему.

– Людовик XIII сильно подрос: теперь он перестал совершать набеги с другими сорванцами на кладовую и сам научился варить варенье. Кстати, весьма недурно: недавно я удостоился чести снять пробу с его конфитюра.

– Вы снова шутите, дорогой брат?

– Нисколько, сестрица. В октябре королева-мать собирается объявить сына совершеннолетним и женить на дочери короля Испании, а сестру Людовика, мадам Елизавету, выдать замуж за принца Астурийского.

– Но вы ведь говорили, что покойный король считал Испанию своим главным врагом.

– В самом деле, Генрих IV в гробу перевернётся, когда состоится двойной испанский брак! Похоже, мир в Европе будет достигнут не на поле брани, а за свадебным столом.

– Мир – это прекрасно. Но почему королева-мать так поступила? Неужели она не чтит заветы своего супруга?

– Политика, дорогая сестра, – это такая штука, когда вчерашние враги сегодня становятся лучшими друзьями. Мария Медичи нуждается в поддержке Испании против принцев. Год назад, когда она наградила своего... друга, госпо-

дина Кончини, званием маршала, принц де Конде покинул двор. Его поддержали и другие вельможи, в том числе, герцог де Оре, наш отец, который уехал в Бретань.

– Жаль, что вы тогда не уехали в Сольё!

– Во-первых, мне жалко короля. А во-вторых, Людовик считает, что друзья не должны покидать его. Ведь терпит же он сам всех итальянских авантюристов, привезённых во Францию его матерью!

– Как же вам удалось вырваться?

– У меня сложились неплохие отношения с маркизом д'Альбером, который заменил королю отца. К тому же, он тайне ревнует меня к Людовику. Поэтому охотно похлопотал об отпуске для нас с кузеном.

– Если бы вы знали, как я скучаю без вас! А вы вспоминаете обо мне в Париже?

– Конечно! Я бы взял вас с собой, чтобы показать вам королевский двор, да наша тётушка ни за что согласится. Она вбила себе в голову, что я только и мечтаю, как бы объездить вас!

– Я же просила вас, дорогой брат, – покраснев, с укоризной произнесла Анриетта.

– Увы, сестрица, я приспособился к нравам двора: там каждый стремится скорее прослыть грубым неучем, нежели человеком, обладающим познаниями в изящной словесности.

– Такую ангельскую натуру, как вы, с распростёртыми

объятиями бы приняли в отеле Пизани! – добавил Анри.

– В отеле Пизани?

– Да, этот особняк неподалёку от Лувра раньше принадлежал маркизу Пизани, отцу госпожи де Рамбуйе, у которой собирается самое изысканное общество. Я тоже изредка посещаю её.

Анриетта задумчиво посмотрела на брата.

– Но почему вы говорите так, будто упрекаете меня в чём-то?

Словно не зная, что ей ответить, Анри машинально провёл пятернёй по своим кудрям. Пребывание при королевском дворе заметно изменило некогда открытого и добродушного юношу. Поэтому чистота и невинность Анриетты одновременно умиляли его и вызывали раздражение.

– Дело в том, что у маркизы де Рамбуйе, – начал молодой человек, подбирая слова, чтобы не обидеть сестру, – говорят о поэзии, философии, искусстве, а также ценят тонкость мысли, изящество выражения и не терпят грубости и пошлости...

– Разве это плохо?

И снова Анри затруднился с ответом.

В этот момент, на его счастье, в лабиринте появилось третье лицо. Это была молодая служанка графини де Солё: полная, смуглая, с чёрными кудряшками, выбивавшимися из-под белоснежного чепчика. Её щёки покраснелись от быстрой ходьбы, а глаза, тёмные и блестящие, с любопыт-

ством скользнули по близнецам. Затем, в знак почтения, она коснулась руками передника.

– Как ты нашла нас, Мари? – с улыбкой поинтересовался Анри. – Или ты сама решила помиловаться здесь с сердечным дружкой?

В ответ девушка, как бы в смущении, потупилась.

– Что вы, господин граф, у меня нет никакого дружка! Это матушка подсказала мне поискать вас в лабиринте, где мы в детстве играли в прятки.

За этой простой фразой служанки скрывалась целая семейная история. Её покойный отец, Диего Торо, мориск из Испании, когда-то служил у родителей графини де Сольё и был их доверенным лицом. Мать же, Марта Кунц, женщина практичная и деятельная, вынянчила близнецов, а затем получила должность экономки в Сольё. Связь семьи Торо с хозяевами замка была более глубокой и крепкой, чем казалась на первый взгляд.

– Что тебе нужно, Мари? – в свою очередь, строго поинтересовалась Анриетта.

– Её милость приказала мне найти господина графа и вас, мадемуазель.

– А что случилось?

Оглянувшись по сторонам, Мари заговорщически прошептала:

– Кажется, её милость получила письмо от герцога де Оре, своего брата...

– По-видимому, придётся идти, – Анри одним прыжком поднялся с земли. – Лучше не злить госпожу графиню.

Затем, ущипнув служанку за руку повыше обнажённого локотка, он прибавил:

– Какая ты стала аппетитная, Мари!

Ойкнув, та бросила кокетливый взгляд на Анри. Заметив это, Анриетта приказала:

– Ступай, Мари! Скажи её милости, что мы скоро придём!

Молодой человек подал руку сестре. Выйдя из лабиринта, они оказались в замковом саду. Это было царство симметрии и порядка, где каждый куст был подстрижен с ювелирной точностью. Вместе с дорожками, посыпанными гравием, они образовывали строгие геометрические фигуры, в центре которых, словно драгоценные камни, алели розы. Посреди всего этого великолепия возвышался фонтан, чьи струи, переливаясь на свету, создавали радужные блики. Но истинным сокровищем сада, конечно, был лабиринт со стенами из вечнозелёного тиса, достигавшими человеческого роста.

По пути Анри задержался возле фонтана, чтобы напиться. Внезапно он сообщил Анриетте:

– Там, на дне, что-то блеснуло, сестрица. Я попробую достать!

– Может, лучше позвать слуг, дорогой брат? – предложила девушка.

– Нет, я сам!

Не удержавшись на краю овального бассейна, Анри упал

в воду, подняв кучу брызг. Его сестра вскрикнула от испуга. Однако молодой человек, несмотря на неожиданное купание, не растерялся. Он пошарил рукой по дну, ощупывая гладкие камни, покрытые илом, и через несколько мгновений, весь мокрый, с волосами, прилипшими ко лбу, выбрался из бассейна.

– Смотрите, что я нашёл! – с триумфом воскликнул Анри.

Наклонившись над его ладонью, Анриетта увидела золотой перстень. В нём, словно застывшая капелька крови, сверкал круглый рубин.

– Внутри есть надпись на латыни, – заметила девушка.

– Прошу вас, прочтите, сестрица.

– Вы ведь изучали латынь и греческий.

– Да, но при дворе я постарался об этом забыть.

Взяв перстень в руки, Анриетта прочла вслух: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

– Наверно, это кольцо покойного графа де Сольё, – предположила она.

– Да, наш дядюшка был довольно рассеян, – легко согласился с сестрой Анри.

После чего добавил:

– Мне нужно переодеться! А вы, сестрица, идите к госпоже графине. Иначе она разозлится ещё больше!

Анриетта приуныла: теперь первые самые сильные всплески тёткиного гнева должны были обрушиться на неё! Размышляя об этом, девушка сама не заметила, как прибли-

зилась к главному корпусу замка, перестроенному несколько лет назад. Снаружи стены этого двухэтажного здания с двумя боковыми крыльями облицовали мрамором. Вместо мрачных бойниц и узких готических окон вставили широкие, прямоугольные рамы с прозрачными стёклами, выписанными из Англии. Крыша, некогда покрытая грубой красной черепицей, теперь сверкала свинцовыми плитами. Покатые скаты украшали изящные слуховые окна с фигурными фронтонами. На вершине одной из четырёх башен, бывшей сторожевой, изгибался под ветром изящный флюгер.

Июнь 1614 года дышал зноем, но в гостиной замка Сольё, где окна выходили во внутренний двор, даже в самый жаркий полдень царила прохлада. Там хозяйка с гордостью демонстрировала своё богатство, полученное от прибыли с акций Ост-Индской компании. Стены зала покрывали росписи с изображениями охотничьих сцен. Поверх них висели портреты прежних и нынешних владельцев Сольё, и прямоугольное зеркало в позолоченной раме, привезённое из Венеции. Массивную мебель из дуба, ореха и красного дерева покрывала не только резьба, но также инкрустация из геометрических узоров, «фруктовых» мотивов и львиных морд. Кресла и стулья имели обивку из бархата, шёлка и кожи. Даже воздух в гостиной был каким-то пряным, наполненным ароматами, неизвестными для большинства жителей Бургундии.

На полу перед камином лежал турецкий ковёр – предмет исключительной роскоши. На нём, подбоченившись, с кури-

тельной трубкой в зубах, стояла Элизабет де Оре. Её зрелую красоту подчёркивало одеяние, включавшее в себя верхнее платье из чёрного сатина и нижнее – из золотистого шёлка. Каштановые волосы, густые и блестящие, были уложены наверх. Несмотря на бледность, лицо хозяйки Сольё не выглядело болезненным. Орехового цвета глаза вспыхивали озорными огоньками, когда она была в хорошем настроении, но в данный момент метали молнии. В целом тётка Анри и Анриетты казалась живым воплощением эпохи, когда красота шла рука об руку с силой духа.

Не успела девушка присесть в реверансе, как графиня де Сольё, не вынимая дымящую трубку изо рта, процедила сквозь зубы:

– Почему вы одна, мадемуазель? А где граф де Оре, мой дражайший племянник?

– Простите, сударыня, но мой брат случайно упал в фонтан и промок до нитки, – поспешила объяснить Анриетта.

В ответ её тётка раздражённо пыхнула трубкой и, не обратив внимания на пепел, упавший на ковёр, продолжила допрос:

– А чем вы с ним занимались до того, как господин граф искупался в фонтане?

– Мы беседовали... в лабиринте.

– Ты была права, Марта! – вытащив изо рта трубку, Элизабет бросила взгляд через плечо, туда, где возле шкафа, набитого фаянсовой посудой, стояла её экономка.

Марта Кунц, имевшая немецкие корни, была тоже в чёрном одеянии, правда, из тонкого сукна. Её белый чепец был надвинут чуть ли не до светлых бровей, а взгляд серых глаз казался спокойным и, одновременно, проницательным.

– Я всего лишь напомнила вашей милости про то место, где господин граф и мадемуазель любили прятаться в детстве, – слегка склонив голову, ответила она ровным голосом.

Сделав знак экономке, что та может идти, Элизабет затем принялась распекать девушку:

– Неужели вы забыли, что с вами произойдёт, дорогая племянница, если граф де Оре задерёт вам юбку?

На глаза Анриетты от обиды невольно выступили слёзы.

– Я прекрасно всё помню, дорогая тётушка. Но у нас с господином графом даже в мыслях не было ничего подобного! Ведь он – мой родной брат...

– Ну и что! – носком туфли Элизабет растёрла тлевший на ковре пепел. – Перечитайте-ка книги моего друга, господина Брантома! Если женщина разбудит в мужчине любовный зуд, то его даже близкое родство не остановит!

– Вы ведь прекрасно знаете меня!

– Поэтому и говорю, что знаю! Как только графу де Оре взбредёт в голову порезвиться в вашем садике, вы сами откроете ему ворота!

Теперь уже ничем не сдерживаемые слёзы потекли ручьями по щекам Анриетты.

– Простите, дорогая матушка, я не знаю, в чём провини-

лась моя кухня, но она – честная и добродетельная девица! – эти слова произнёс девятнадцатилетний Луи Кристоф, единственный сын графини.

Смугловатый брюнет, он был похож на мать только кари-ми глазами, и отличался изящным сложением. До этого молодой хозяин Сольё играл с борзой возле камина, однако при виде слёз Анриетты поспешил к ней на помощь. В ответ девушка бросила благодарный взгляд на кузена, в то время как Элизабет покачала головой.

– Вы плохо знаете женщин, сын мой! Поэтому, как и барон де Монбар, видите в каждой сиротке принцессу и готовы бесстрашно защищать её честь! Даже если она вовсе не нуждается в этом!

– Но вы сами ставили мне господина де Монбара в пример, – снова вежливо возразил Луи Кристоф.

– Увы, я ошибалась! Он разочаровал меня, когда решил узаконить дочь женщины, которая много лет водила его за нос!

– Но какое нам дело до этого? У барона де Монбара есть своя голова на плечах. Поэтому он вправе поступать, как считает нужным.

Вероятно, не зная, что ответить сыну, Элизабет сделала ещё одну затяжку и закашлялась. Анриетта потянулась было к кувшину, стоявшему на столе, но тётка сделала ей знак рукой и девушка осталась на месте.

– Боюсь, что дела барона де Монбара скоро напрямую бу-

дут касаться вас, сын мой, – вдруг заявила Элизабет.

Граф де Сольё поднял голову.

– Объяснитесь, матушка.

– Хорошо. Как только появится граф де Оре. Ему это тоже будет интересно.

– Я только не могу понять, как можно было изменять такому доброму и справедливому человеку, как барон де Монбар! – заметил после паузы Луи Кристоф.

– По-видимому, баронесса де Монбар не смогла устоять перед своей первой любовью, покойным графом Девонширским, – предположила его мать.

Кузен Анриетты наморщил лоб.

– Признаться, я не слишком хорошо знаком с генеалогией английской знати.

– У покойной королевы Елизаветы было три любимых фаворита, три красавца, – начала рассказывать тётка Анриетты, – граф Эссекс, барон Маунтджой и сэр Рэли, который, кстати, научил меня курить трубку. Я познакомилась с ними в 1589 году, когда приехала в Лондон вместе с виконтом де Саше, моим дядей, посланником покойного короля. Монбар тоже приехал туда к отцу, который сосватал ему мадемуазель Паркер. Но эта дурочка была без ума от Маунтджоя, своего кузена. Однажды я застала их целующимся и теперь жалею, что никому не рассказала об этом.

Снова пыхнув трубкой, графиня де Сольё продолжила своё повествование:

– Вскоре мадемуазель Паркер привезли во Францию, и она обвенчалась с Монбаром по католическому обряду, так как втайне исповедовала истинную веру. Они прожили в Бретани при дворе герцога де Меркёра восемь лет, но детей у них не было. Тогда баронесса де Монбар решила навестить свою родню в Англии. А потом я получила письмо от адвоката, господина Бэкона, который вёл мои дела, связанные с Ост-Индской компанией. Он упомянул, что баронесса Рич, замужняя сестра графа Эссекса, забеременела от Маунтджоя, и он переключился на баронессу де Монбар. Однако в 1601 году Эссекс поднял мятеж против королевы, и после его казни супруг баронессы Рич выгнал её. Она переехала к своему любовнику и стала открыто жить с ним. Поэтому баронесса де Монбар осталась ни с чем...

– А почему она не вернулась во Францию? Или госпожа баронесса боялась, что супруг узнает о её измене?

– Она вернулась, – мрачно ответила Элизабет, – но обнаружила, что её место занято и снова уехала в Англию. В 1603 году умерла королева Елизавета и новый король, Яков I, по сфабрикованному делу посадил моего друга, сэра Рэли, в Тауэр и приговорил к смертной казни. Однако барон Маунтджой сумел остаться на плаву, получил титул графа Девонширского и женился на баронессе Рич после её развода с супругом, но вскоре умер. Что же касается баронессы де Монбар, то она скончалась в прошлом году. И вот месяц назад от неё пришло посмертное письмо, в котором она про-

сила прощение у мужа и умоляла его удочерить её дочь от Маунтджоя. А так как я считаю, что какова мать, такова дочь, то посоветовала Монбару забыть о её просьбе, но он меня не послушался!

– Пожалуй, я согласен с вами, – Луи Кристоф задумчиво кивнул. – Господину барону не следовало удочерять эту девицу. В крайнем случае, он мог бы назначить ей небольшую пенсию.

– Вот и я говорила Монбару о том же. По крайней мере, родственники баронессы могли бы найти её дочери мужа!

– Если эта девица также красива, как её отец, то, вероятно, это будет нетрудно сделать.

– Если только она не также глупа, как её мать! Впрочем, мужчинам нравятся глупые женщины!

И тут Анриетта, наконец, догадалась, почему её тётка приняла в штыки решение своего любовника: она боялась, что Шарль де Монбар влюбится в дочь Элис Паркер.

Не успел никто больше ничего сказать, как в зал вошёл дворецкий графини де Сольё.

– Что случилось, Пьер? – хмуро поинтересовалась Элизабет. – Ведь я приказала никому не беспокоить нас!

– Прошу прощения, ваша милость, но приехал господин барон де Монбар...

Глава 2

Проклятие Лалена

Анриетта затаила дыхание: сейчас её тётка с проклятиями прикажет прогнать своего любовника. Но она ошиблась. Положив трубку на камин, графиня де Солье поправила перед зеркалом свою причёску и села в кресло возле сына. Затем кивнула Анриетте на табурет, стоявший рядом, и только тогда приказала дворецкому:

– Пусть войдёт!

Через минуту в зале появился Шарль де Монбар. Анриетте было известно, что в молодости барон был телохранителем герцога де Гиза, а после гибели Меченого перешёл на службу к его брату, герцогу де Майенну. Затем его занесло в Бретань, где Монбар стал человеком герцога де Меркёра, последнего члена Католической лиги, капитулировавшего перед королём Генрихом IV. Позже вместе с Меркёром он отправился в Венгрию и сражался с турками. Однако после смерти герцога вернулся в свой замок, расположенный по соседству с Сольё. Вскоре Шарль стал наставником брата и кузена Анриетты в области воинского искусства. Хотя о его любовной связи с Элизабет знали все обитатели Сольё, никто не осмеливался открыто осуждать графиню из страха

перед ней.

Барон де Монбар был светловолосым дворянином с тёмной бородкой, придававшей ему некоторую солидность. Васильковые глаза Шарля смотрели на мир с удивительной добротой. Однако его внешний вид и манеры были простоваты, серый колет заметно потёрт на плече из-за грубой кожаной перевязи для шпаги, а штаны и высокие сапоги – покрыты слоем дорожной пыли. Несмотря на это, тётка Анриетты буквально пожирала глазами своего любовника, из-за чего девушке стало невольно стыдно за неё. За Монбаром следовала девушка в маске, которая была по плечо своему спутнику.

– Мы рады видеть вас снова, господин барон! – кивнув гостю, первым на правах хозяина обратился к нему Луи Кристоф.

– Благодарю вас за столь милостивые слова, господин граф, – вежливо ответил Шарль.

После этих слов он поспешил повернуться к Элизабет, которая, как ни в чём не бывало, любезно спросила:

– Надеюсь, ваше путешествие было удачным, дорогой барон?

– Да, госпожа графиня, – приблизившись к любовнице, Монбар поцеловал её протянутую руку.

Хотя поцелуй явно затянулся, никто не стал пенять ему за нарушение этикета. Наоборот, пухлые губы Элизабет слегка приоткрылись, а глаза заблестели.

Когда же настала очередь Анриетты, Шарль, едва прикос-

нувшись губами к кончикам её пальцев, сразу разогнулся. Тогда девушка принуждённо произнесла:

– Вы так долго отсутствовали, господин барон, что мы уже стали опасаться, что больше не увидим вас...

– Дело в том, что нас с Дианой задержала непогода в Дувре.

– Позвольте представить мадемуазель Кук, воспитанницу моей покойной супруги! – после паузы простосердечно добавил Шарль. – Надеюсь, что скоро она станет мадемуазель де Монбар!

В этот момент его спутница сняла маску. При первом же взгляде на неё Анриетта решила, что англичанка вряд ли могла быть достойной соперницей графине де Сольё. Диана отличалась малым ростом, худощавостью и тёмно-рыжим цветом волос. Правда, она могла похвастаться нежной розоватой кожей, чуть вздёрнутым носиком и улыбчивыми вишнёвыми губками. В то же время взгляд её тёмно-карих глаз был удивительно серьёзным, что редко встречалось у столь юных особ. Англичанке очень шёл её малиновый берет с пером цапли и коричневое дорожное платье, обшитое серебристым галуном.

Неожиданно Элизабет произнесла несколько слов по-английски, явно предназначенных для незваной гостьи. После чего пояснила для всех:

– Я сказала мадемуазель Кук, что никогда не встречала англичанку с именем Диана.

– Прошу прощения, сударыня, но такое имя при крещении мне дала баронесса де Монбар, моя крёстная, которая несколько лет прожила во Франции, – на приличном французском языке ответила девушка.

– А как звали вашего отца, милочка?

Анриетта даже вздрогнула от такой бестактности. Ведь Элизабет отлично знала, что англичанка была незаконнорождённой, и, следовательно, просто хотела унижить её.

– Его звали мастер Джон Кук, – Диана словно произносила заученный урок. – Он служил поваром у баронессы де Монбар. Когда мне исполнилось три года, мои родители скончались от чумы, а меня взяла на воспитание миледи.

Воспользовавшись паузой, Шарль сказал:

– Прошу вашего совета, госпожа графиня, как мне лучше взяться за дело удочерения мадемуазель Кук?

Тётка Анриетты пожала плечами.

– А мадемуазель Кук согласна на удочерение?

– О да, госпожа графиня! – воскликнула англичанка. – Господин барон – добрый человек. Быть его дочерью – большое счастье.

– В самом деле, вам очень повезло, милочка, – вздохнула графиня.

Затем, обращаясь уже к любовнику, она добавила:

– Сначала вам нужно получить согласие церкви.

– О, с этим, я думаю, не возникнет трудностей! Несмотря на то, что Англия – протестантская страна, Диана была вос-

питана в истинной вере.

– Это правда? – тётка Анриетты снова посмотрела на англичанку.

– Да, госпожа графиня. Крёстная воспитала меня католичкой.

– Потом неплохо бы получить одобрение королевского двора.

– В таком случае, я обращусь к герцогу де Гизу, – сказал Шарль, – и напомню ему о моих заслугах перед его домом. Надеюсь, он не откажется мне помочь!

Не успел барон закончить, как в зал вошёл Анри. Без всяких церемоний обнявшись с Шарлем, молодой человек затем повернулся к Диане и с изысканной вежливостью произнёс:

– Моё имя – господин граф де Оре, мадемуазель. А вы, насколько я понимаю, дочь господина барона де Монбара?

– Ещё нет, ваша милость, – кокетливо ответила девушка.
– Меня зовут мадемуазель Кук.

– Надеюсь, путешествие из Англии во Францию не слишком утомило вас?

– Я не устала, господин граф. Мы отдохнули в Семюре.

– А вы были в Монбаре?

– Нет.

– У господина барона прекрасный замок, к которому примыкает не менее великолепный лес. Вы любите охотиться?

– Я хорошо стреляю из лука. Баронесса де Монбар говорила, что не зря назвала меня Дианой.

– Это имя действительно очень идёт вам!

– Я слышана о ваших галантных похождениях в Париже, дорогой племянник, – вдруг бесцеремонно вмешалась в их разговор Элизабет. – Поэтому прошу вас не обхаживать девиц в Сольё!

Заметив, как вытянулось лицо её брата, Анриетта поняла, что слова тётки привели его в бешенство. Анри был слишком хорошо воспитан, чтобы отплатить графине той же монетой. Но внутри него явно бушевала буря.

Ещё в детстве Анриетта поняла, что Элизабет не любит её брата. Графиня давала ему всё, что могла дать любящая мать: образование, сытную пищу, добротную одежду, не скупилась на подарки. И когда дело доходило до наказания, была справедлива к нему, как к собственному сыну. Однако со своей врождённой интуицией и наблюдательностью Анриетта замечала, что взгляд графини становился удивлённым, если Анри в чём-то добивался успеха. Словно она никогда не ожидала от него ничего путного.

Сделав вид, будто ничего не произошло, Анри после паузы сообщил тётке:

– Я сегодня нашёл в фонтане перстень, сударыня. Возможно, он принадлежал покойному графу де Сольё!

Едва взглянув на перстень, Элизабет отвернулась.

– У моего мужа не было подобной вещи!

– Но кому тогда мог принадлежать перстень? Внутри написано: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

– Простите, ваша милость! – вдруг сказала Диана. – На моём перстне, подаренном крёстной, такая же надпись! Только он не с рубином, а с аквамарином!

В доказательство своих слов англичанка показала свой пальчик, на котором блеснул голубой камень.

– Похоже, вы нашли мой помолвочный перстень, господин граф, – внезапно заметил Шарль.

– Возвращаю его вам! – брат Анриетты протянул барону перстень.

Однако любовник Элизабет покачал головой.

– Я когда-то сам бросил его в фонтан и не хочу забирать назад. Оставьте его у себя.

– В таком случае, мадемуазель Кук, мы почти помолвлены! – со смехом сообщил юной англичанке Анри.

Та тоже улыбнулась. Анриетта же почувствовала, как внутри неё, словно ядовитая змея, шевельнулась ревность. В то же мгновение она устыдилась своих мыслей: как можно было ревновать Анри к девочке, которая была на девять лет младше её?

– Я хочу сообщить вам, что выхожу замуж за господина де Монбара! – эти слова Элизабет прозвучали как гром с ясного неба.

Теперь все взгляды снова обратились на графиню. Анриетта была удивлена не меньше остальных. Хотя за двенадцать лет Шарль стал своим в Сольё, никто не ожидал, что он может стать мужем хозяйки замка.

– Так что, милочка, я скоро стану вашей мачехой! – добавила тётка Анриетты, обращаясь уже к Диане.

– Для меня это честь, сударыня, – с улыбкой произнесла англичанка, которую, судя по всему, было трудно чем-то смутить.

В отличие от неё, Луи Кристоф растерянно произнёс:

– Но как же так, дорогая матушка? Вы могли бы посоветоваться со мной!

– Мне уже достаточно лет, сын мой, чтобы я могла сама принимать подобные решения!

– Вот уже не думал, что наша тётушка когда-нибудь решится сменить титул графини на титул баронессы, – шепнул на ухо сестре Анри.

– Я – тоже, – тихо призналась Анриетта. – Хотя до женитьбы графа де Сольё она сохранит свой нынешний титул...

– Благодарю вас, дорогая графиня, – взволнованно произнёс тем временем Шарль. – Обещаю, что вы не пожалеете о своём решении!

Улыбнувшись ему, Элизабет добавила:

– Я пригласила на свадьбу герцога де Оре, моего брата, и сегодня получила ответ: он приедет вместе с виконтессой де Саше, моей кузиной, и её пасынком, бароном де Морле. По воле Бога, под этой крышей скоро соберутся все потомки Лалена!

После своей эффектной фразы графиня под предлогом того, что ей нужно обсудить с бароном приготовления к сва-

дье, отошла с ним к окну, выходящему в сад. Анри же тихо заметил графу де Сольё:

– Ваша матушка забыла о монахине Монмартрского аббатства, своей кузине, которая наверняка не приедет на свадьбу.

Видя, что Луи Кристоф всё ещё никак не может прийти в себя после заявления матери, брат Анриетты добавил:

– Успокойтесь, кузен! Я думаю, после свадьбы здесь ничего не изменится! Госпожа графиня вряд ли сразу покинет Сольё. Скорее барон де Монбар переселится сюда!

– Ах, дело вовсе не в том, кузен, – меланхолично ответил граф де Сольё. – Мне обидно, что матушка совсем со мной не считается!

– Если хотите стать настоящим хозяином замка – женитесь. Насколько я знаю тётушку, она вряд ли потерпит, что ей придётся уступать невестке.

– Я бы не прочь жениться. Только на ком?

– Если хотите, я могу познакомить вас с кем-нибудь из моих знакомых девиц.

– Чтобы я оказался рогоносцем раньше, чем надену ей на палец обручальное кольцо?

Усмехнувшись, Анри затем небрежно спросил:

– Кстати, это не вы рассказали госпоже графине о моих... шалостях в Париже?

– Нет! Клянусь своей честью! Вы ведь знаете, что у матушки остались связи при дворе, и ей мог написать кто-ни-

будь из её старых друзей.

– Да уж, у тётушки полно связей, как во Франции, так и в Англии. К счастью, я точно знаю, что она была верна своему мужу, а потом – барону де Монбару. Иначе мог бы подумать, что у неё куча любовников!

Внезапно Луи Кристоф нахмурился.

– Вы забываетесь, кузен! Говорите вежливее о моей матушке!

– Умоляю вас, не ссорьтесь! – воскликнула Анриетта.

Тогда, положив руку на плечо Луи Кристофу, её брат сказал:

– В самом деле, дорогой кузен, зачем нам ссориться? Давайте-ка лучше съездим в город и посетим трактир «Золотой петух»! У его хозяина – прехорошенькая дочка! Заодно и обсудим предстоящий брак тётушки!

Затем, улыбнувшись сестре и подмигнув Диане, Анри вышел из зала вместе с кузеном. Анриетта тоже встала, желая удалиться в свою комнату. Но тут её взгляд упал на юную англичанку, о которой, казалось, все забыли. Добросердечной сестре Анри стало жаль её.

– Пойдёмте со мной, мадемуазель Кук.

В отличие от гостиной, стены в комнате Анриетты сплошь закрывали вердюры, созданные в прошлом веке фламандскими ткачами. Девушка часами могла рассматривать зелёные пейзажи с фигурами животных и птиц на переднем плане и архитектурными постройками в глубине. Эти шпалеры

достались ей от тётки после перестройки замка, впрочем, как и мебель, хоть и не новая, но изящная и добротная: резной дубовый буфет, два стола, обитые бархатом стулья, кровать с балдахином из тяжёлого шёлка, сундук с бельём и платяной шкаф. Главным центром притяжения, несомненно, был письменный стол, заваленный бумагами: стопка картонок с набросками людей и пейзажей, чистые листы с перьями и две первые части «Астреи», любимого романа Анриетты. Она проводила за этим столом долгие часы, погружённая в мир пасторальных героев и рыцарских подвигов, черпая вдохновение для собственных строк. На туалетном столике стояло венецианское зеркало в серебряной раме, в котором Анриетта любовалась своим отражением, представляя себя героиней любимых книг. Под окном виднелись пяльцы с начатой вышивкой, а на одной из вертюр булавкой был прищиплен карандашный портрет её отца, герцога де Оре. Но взгляд хозяйки комнаты чаще всего останавливался на соседнем рисунке с изображением её брата.

– Это моя спальня, – сообщила Анриетта, переступив порог комнаты вместе с англичанкой.

– Ах, как здесь красиво! – всплеснув руками, искренне воскликнула та. – Наверно, всё это стоит очень дорого!

Не удержавшись от улыбки, племянница графини села за стол, в то время как Диана продолжала вертеть головой по сторонам.

– А у вас была своя комната в Англии? – осторожно по-

интересовалась Анриетта.

– Была, мадемуазель, – с гордостью ответила англичанка, – в доме баронессы де Монбар, который носит название «Одинокая башня». Это возле Лондона, в Саутворке, на южном берегу Темзы.

По лицу своей собеседницы Анриетта не могла понять: знает англичанка, кто были её настоящие родители или нет? Тем не менее, она невольно прониклась сочувствием к Диане. Ведь у них с Анри была схожая история: герцог де Оре усыновил близнецов ещё в младенчестве и своей матери они не знали.

– Наверно, баронесса де Монбар любила вас? – грустно спросила Анриетта.

– Да, миледи дарила мне платья и разговаривала со мной по-французски, поэтому я хорошо выучила этот язык. А ещё часто возила меня в «Глобус», который находился неподалёку от нашего дома.

– В «Глобус»?

– Это здание, где играли актёры. На его крыше была фигура Атланта. Он держал земной шар, который опоясывала лента с надписью «Весь мир театр». Баронессе де Монбар очень нравились трагедии мастера Уильяма Шекспира, актёра «Глобуса». Особенно «Ромео и Джульетта». Миледи смотрела эту пьесу целых три раза и всякий раз плакала...

– И о чём же эта пьеса?

– О влюблённых из Вероны, мадемуазель. Их знатные се-

мы враждовали между собой. Ромео Монтекки полюбил Джульетту Капулетти. Но родители не дали согласия на их брак. Они поженились тайно. Отец Джульетты решил выдать её замуж за графа. Тогда она выпила настой, который дал ей священник, и уснула. Все решили, что она умерла. Ночью Ромео пробрался в склеп и выпил яд. Джульетта проснулась, увидела, что её возлюбленный мёртв, и вонзила себе в сердце кинжал...

– Я мечтаю, чтобы кто-нибудь полюбил меня, как Ромео – Джульетту, – добавила юная англичанка. – Только не хочу умирать так рано!

– Ну, а со своими родственниками баронесса де Монбар поддерживала отношения?

– Нет, мадемуазель.

– Почему?

– Милорд Морли, её брат, принял участие в заговоре графа Эссекса, и за это его едва не казнили. А сёстры со своими мужьями участвовали в Пороховом заговоре в 1605 году: католики тогда хотели подорвать в парламенте короля Якова и принца Генри. Поэтому баронесса де Монбар говорила, что следует держаться подальше от таких родственников.

– Правда, к миледи один раз приезжал её кузен, – после паузы добавила Диана. – Очень красивый дворянин, черно-волосый и богато одетый. Он погладил меня по голове и сказал: «Эта рыжая девочка очень похожа на вас, госпожа баронесса». Больше я его не видела. Потом миледи сказала, что

её кузен умер.

– А что она говорила о своём муже?

– Что барон де Монбар – хороший человек, но не любит её. Поэтому он живёт во Франции, а она – в Англии.

– А от чего умерла баронесса де Монбар?

Англичанка пожала плечами.

– Миледи заболела после пожара в «Глобусе» прошлым летом. Мы тогда поехали смотреть «Генриха VIII». Один актёр выстрелил из пушки, и крыша из соломы загорелась. Все бросились к выходу, а баронесса де Монбар упала в обморок. Я позвала нашего кучера. Он перенёс миледи в карету. Один простолюдин потушил загоревшиеся на нём кюлоты бутылкой эля. Больше никто не пострадал, но «Глобус» сгорел дотла. А баронесса де Монбар однажды утром, перед Рождеством, не проснулась...

– Надеюсь, она тебе что-нибудь оставила?

– Да, мадемуазель. По завещанию миледи мне достались её дом и 100 фунтов. А ещё платья и украшения.

Заметив взгляд Дианы, брошенный на томики «Астреи», Анриетта пояснила:

– Это роман о пастухах и пастушках.

– А я очень люблю читать стихи. Миледи подарила мне «Сонеты» Шекспира за один шиллинг.

– Я тоже пишу стихи, – призналась Анриетта.

– Прошу вас, прочтите что-нибудь, мадемуазель!

Устремив взгляд в сторону окна, из которого открывался

прекрасный вид на сад, сестра Анри с чувством продекларировала:

К моему пастушку

О, милый пастушок, что сердце мне пленил!

Твоя пастушка слёзы льёт ночами.

Молюсь, чтоб Бог тебя хранил,
Чтоб я не мучилась, терзаясь горестями!

Не забудь, что в роще, вдалеке,

Я жду тебя, как солнца луч сквозь тучи.

Иначе нет мне счастья на земле,
Ведь для меня ты – самый лучший!

Ты – свет моих очей, мой нежный друг,

И без тебя постыло всё вокруг.

Ни в чём не нахожу отрады,

И жду тебя, как роза ждёт прохлады.

– Ах, какой прекрасный стих! – воскликнула Диана. – Жаль, что я не могу так сочинять!

Затем англичанка перевела взгляд на рисунки, припипленные к шпалере:

– Граф де Оре вышел как живой!

– Здесь ему девять лет. Рядом – герцог де Оре, мой отец, в молодости. Их нарисовал покойный граф де Сольё, мой дядя. Осенью 1600 года он взобрался на крепостную стену, чтобы изобразить окружающий пейзаж, простудился и вскоре умер. Позже моя тётушка заказала несколько портретов художнику из Дижона по его рисункам. Остальные велела отнести на чердак, но кое-что я сохранила для себя.

– По-видимому, графиня де Сольё – властная женщина, – заметила Диана.

– Моя тётушка – строгая, но справедливая, – возразила Анриетта. – После смерти супруга ей пришлось самой управлять всеми поместьями и, вдобавок, воспитывать сына и нас с братом. Хотя госпожа графиня – не первая женщина в нашем роду, которой пришлось нести на плечах такой груз.

Взяв со стола стопку рисунков, сестра Анри принялась перебирать их. Диана же подошла поближе.

– Это граф де Сольё, дед моего кузена, – Анриетта показала англичанке изображение пожилого мужчины со строгим лицом и умным взглядом. – Он погиб в 1587 году в битве при Куртре, сражаясь против гугенотов на стороне короля

Генриха III.

– А вот его супруга, – добавила она, взяв в руки следующий рисунок. – Оставшись с двумя детьми на руках, графиня де Сольё сумела защитить свой замок от лигистов.

– Она похожа на итальянку, – заметила её собеседница.

– Да, бабушка нынешнего графа де Сольё происходила из семьи флорентийских банкиров, открывших свою контору в Париже. Сначала она была замужем за своим кузеном, господином де Нери, потом вступила в брак с графом де Сольё. Ну, а третьим её мужем стал барон д’Овилье, нормандец. Вскоре после рождения внука она внезапно уехала с супругом в Аугсбург. Сначала это вызвало недоумение у наших знакомых, но потом стало известно, что д’Овилье сменил там религию. Вероятно, он давно был в душе лютеранином, в отличие от жены, которая сохранила приверженность католической вере. Один раз баронесса д’Овилье приезжала из Германии погостить в Сольё. Она очень любила детей и привезла нам много подарков.

– У нас в Англии тоже случается, что муж – неконформист, а жена – протестантка, и наоборот.

– В нашем роду, где были одни католики, имя д’Овилье стараются не упоминать. Моя тётушка даже приказала уничтожить все его изображения. Зато я сохранила портреты других родственников...

– Жаль, что покойный граф де Сольё не оставил собственный портрет.

– Да, очень жаль. Все, кто близко знал моего дядю, обожали его, в том числе слуги. Шут Юро был настолько предан своему хозяину, что после его кончины отказался принимать пищу и умер спустя три дня.

– Портрета барона де Монбара здесь тоже нет, – просмотрев рисунки, заметила Диана. – Хотя он ваш родственник...

– Пока моя тётушка состояла в браке с графом де Сольё, барон де Монбар ни разу не приезжал сюда.

– Почему, мадемуазель?

– Потому что Монбар сам хотел жениться на тётушке, но не мог это сделать из-за проклятия Лалена...

Видя, что её собеседница умолкла, Диана попросила:

– Умоляю вас, расскажите мне о Лалене!

– Хорошо, – сдалась Анриетта. – Обычно мы не рассказываем об этом посторонним. Но вы теперь тоже член нашей семьи. Так вот, мой предок, шевалье де Лален, был воспитателем Карла Смелого. Но когда его единственная дочь родила двух девочек-близнецов от герцога Бургундского, рыцарь проклинал её: все потомки Иоланты де Лален должны были плодить, как и она, бастардов, если только не вступят в законный брак с лицом королевской крови или не пожертвуют самым дорогим. Вдобавок, им нельзя вступать в плотскую связь между собой, иначе они не умрут своей смертью!

– Но ведь графиня де Сольё была замужем за своим кузеном!

– Потомков Лалена, заключивших брак, может защитить

дух близкого человека, принявшего насильственную смерть. Родители тётушки были убиты во время Варфоломеевской ночи, а отец её первого мужа, графа де Сольё, пал в битве при Кутре. Позже при таинственных обстоятельствах погиб и отец барона де Монбара. Поэтому теперь госпожа графиня может выйти за него замуж.

– Как хорошо, что Лален не был моим предком! – произнесла с серьёзным видом Диана.

Анриетта же вдруг поймала себя на мысли, что завидует англичанке.

Глава 3

Тайна Элизабет

Хотя Шарль и Элизабет решили обвенчаться в скромной обстановке, только в присутствии немногочисленных родственников, для свадебного пира заготавливались бочонки вина, туши быков и другой провизии – всё это планировалось раздать слугам и местным жителям. Анриетта сбилась с ног, помогая тётке. Диана, которой графиня разрешила пока пожить в Сольё, тоже старалась быть полезной. В отличие от девушек, Анри и Луи Кристоф вели себя так, как будто предстоящее торжество их никак не касалось.

Через несколько дней в Сольё прибыли гости. Большая карета, крытая кожей и украшенная гербами, медленно въехала во внутренний двор замка, хотя обычно лошадей гости оставляли в первом дворе. Первым из кареты показался Филипп де Оре, единственный брат графини де Сольё, который никогда не был женат. В юности он пользовался благосклонностью короля Генриха III, но свой герцогский титул получил по патенту от Генриха IV. После гибели последнего Филипп поначалу поддерживал королеву-мать, а в последнее время примкнул к принцу де Конде, возглавившему всех недовольных возвышением Кончини, фаворита Марии Ме-

дичи. На герцоге де Оре была широкополая чёрная шляпа, украшенная страусовыми перьями, и голубой шёлковый костюм с кружевным воротником и расшитой золотом перевязью через плечо, на которой была подвешена шпага. Его фигура, несмотря на возраст, оставалась стройной и подтянутой благодаря годам, проведённым в седле и на полях сражений.

Затем из окна кареты выглянула Мадлен де Нери, вдова барона де Морле и виконтесса де Саше в собственном праве. На её чёрных волосах красовался кружевной чепец, а вдовий наряд оттенял широкий белый воротник до самого горла. Сопровождавший верхом карету Александр де Морле, её пасынок, на зелёном камзоле которого сверкали на солнце медные пуговицы, тоже поспешил соскочить с коня. Тёмные волосы бретонца слегка растрепались ветром, а бегающие чёрные глаза дерзко осматривались по сторонам. Затем, шмыгнув острым носом и звеня шпорами, он помог мачехе выбраться наружу.

Подав руку кузине, герцог важно двинулся к главному входу замка. Резные колонны, украшенные растительными мотивами и гербами, поддерживали его арку, над которой возвышался балкон с балюстрадой. На нём стояли Анриетта с братом и Диана, в то время как графиня де Сольё и её сын уже спускались по широкой мраморной лестнице навстречу гостям.

– Больше всего герцог де Оре гордится тем, что принадлежит к «Семнадцати сеньорам», самым блистательным ка-

валерам двора, – иронически сообщил Анри сестре.

– А разве его светлость не заслуживает этого? – спросила девушка, которой отец всегда казался воплощением идеала дворянина.

– На мой взгляд, самый элегантный – это Бельгард, его друг, который постоянно окружён дамами, а наш отец – пажами.

Бросив предостерегающий взгляд на брата, Анриетта затем указала ему глазами на англичанку, которая, встав на цыпочки, пыталась рассмотреть гостей из-за её плеча.

Пожав плечами, молодой человек снова прокомментировал:

– Виконтесса де Саше кажется старухой, хотя старше своей кузины всего на два года.

– Я видел её однажды в Париже на свадьбе дочери герцога де Меркёра с Цезарем Вандомским в 1609 году, – добавил Анри. – Она находилась в свите Марии Люксембургской, которая после смерти мужа занялась пожертвованиями религиозным орденам и основанием женских монастырей.

– Если кузина тётушки столько лет прослужила супруге герцога де Меркёра, то, по-видимому, она очень набожная дама, – рассудительно заметила Анриетта.

– В таком случае неудивительно, что виконтесса де Саше до сегодняшнего дня ни разу не посетила Сольё!

– А с бароном де Морли вы знакомы? – Анриетта сделала вид, будто не поняла язвительный намёк брата.

– Лично нет. Ведь господин барон стал важной персоной с тех пор, как сделался одним из пятидесяти телохранителей маршала д'Анкара.

На этот раз в голосе молодого человека прозвучало неприкрытое презрение.

После того, как хозяева и гости зашли внутрь здания, Анри и девушки тоже поспешили в зал. Там они увидели герцога де Оре, отдохавшего на парадной кровати. Рядом на табуретах сидели его сестра, племянник и кузина, в то время как Александр де Морле стоял за спиной мачехи. После взаимных представлений и приветствий герцог заметил Анри:

– Вам не мешало бы побриться, сын мой, и сменить рубашку...

Лицо же самого Филиппа украшала аккуратная «эспаньолка», а в глазах цвета бирюзы читалось превосходство.

– Простите, монсеньор, но в провинции к таким вещам относятся более терпимо, чем в Париже, – возразил Анри.

– Где бы вы ни находились, не забывайте, что люди смотрят на вас как на представителя рода де Оре!

– Берите пример с графа де Сольё, – добавил герцог, бросив одобрительный взгляд на Луи Кристофа, которого заставила причесаться и переодеться мать.

– У моего кузена ещё борода не растёт! – снова возразил Анри.

К счастью, в этот момент виконтесса де Саше кашлянула, притянув к себе всеобщее внимание. Мадлен отличалась

худобой. Морщинки, словно тонкие нити паутины, разбегались от её синих глаз, во взгляде которых читалась усталость. На впалых щеках рдел лихорадочный румянец. Всё это, несмотря на то, что кузине Элизабет не исполнилось и пятидесяти, позволило Анри назвать её «старухой».

– Простите, монсеньор, что-то запершило в горле, – та поспешила приложить носовой платок к своим тонким бескровным губам.

– У вас нездоровый вид, дорогая кузина, – неодобрительно произнёс Филипп.

После чего обратился к Анриетте:

– Как вы выросли, дочь моя! Напомните, сколько вам лет?

– Недавно исполнилось двадцать три, монсеньор.

– Кажется, вы, дорогая сестра, как раз в этом возрасте вышли замуж? – герцог перевёл взгляд на Элизабет.

– Да, монсеньор, это случилось ровно двадцать три года назад, – сдержанно подтвердила графиня.

– Как быстро бежит время!

Затем, оглядевшись по сторонам, Филипп добавил:

– А где же ваш жених?

– Барон де Монбар приедет завтра, монсеньор, на подписание брачного контракта. Потом состоится праздничный обед, а вечером – венчание. Ведь я – вдова.

Слова Элизабет никого не удивили: в то время, согласно обычаю, вдовы выходили замуж только после захода солнца.

– В таком случае велите сегодня подать ужин пораньше,

чтобы хорошенько выспаться.

Герцог хотел было встать с кровати, но тут Анри громко сказал тётке:

– Простите, сударыня, но вы забыли представить его светлости мадемуазель Кук!

Теперь взгляды присутствующих обратились уже на Диану. Как и все остальные, Анриетта с любопытством ждала, что скажет англичанке Филипп. Когда, сделав три реверанса, та приблизилась к кровати, герцог придирчиво осмотрел девушку с ног до головы и задумчиво произнёс как бы про себя:

– В нашем роду не было рыжих... кроме покойного барона де Монбара, которого, надеюсь, сейчас поджаривают черти в аду!

Потом, взяв двумя тонкими белыми пальцами, унизанными перстнями, Диану за подбородок, он серьёзно спросил:

– Надеюсь, вы не доставите нашей семье хлопот, милочка?

– Пусть меня покарает наш Творец, ваша милость, если я хоть на миг забуду о той великой чести, которую мне оказали! – торжественно поклялась девушка.

Разговор плавно перетёк на политику, и герцог де Оре не замедлил вспомнить Генриха IV, которому служил около двадцати лет:

– Покойный король был не слишком щедр и не очень-то умел быть благодарным. Он никогда никого не хвалил, а сам хвастался как гасконец. Зато не упомнить государя более ми-

лостивого, который бы больше любил свой народ; впрочем, он неустанно заботился и о благе государства. К тому же, во многих обстоятельствах король доказал, что у него живой ум и что он понимает шутку.

– Говорят, монсеньор, – в тон ему добавил Анри, – что при всей храбрости Генриха IV стоило сказать ему: «Враги идут!», – как с ним приключалась медвежья болезнь и он, желая обратить это в шутку, объявлял: «Пойду-ка, постараюсь хорошенько для них!»

И тут Анриетта заметила взгляд графини де Сольё, брошенный на её брата: казалось, Элизабет готова была убить Анри. Герцог же, усмехнувшись, продолжил:

– Когда четыре года назад король погиб от удара кинжала некоего Равальяка, многие считали, что в этом убийстве замешана королева, ставшая регентшей при своём сыне, Людовике XIII. К сожалению, Мария Медичи находилась под влиянием своей молочной сестры Леоноры Галигаи, на деньги королевы купившей маркизат Анкр, в то время как её супруг Кончини получил звание маршала. Никогда ещё в нашем королевстве не видели, чтобы чета каких-то флорентийцев пользовалась такой огромной властью! Неудивительно, что принцы крови в знак протеста решили оставить свои места при дворе. А так как я имею честь считаться другом самого главного среди принцев, монсеньора де Конде, то решил последовать его примеру.

Далее герцог де Оре стал рассказывать Шарлю, как Конде

и другие принцы крови 19 февраля 1614 года в Мезьере издали манифест, чтобы довести свои требования до сведения королевы-матери. Кроме обычного недовольства по поводу их недостаточного участия в управлении государством, они полагали, что внешняя политика регентши слишком подчинена Испании, поэтому хотели бы поменять министров и созвать Генеральные штаты, чтобы узнать их мнение. Не ограничиваясь этим, герцог де Невер, будучи губернатором Мезьера, захватил городскую цитадель, комендант которой подчинялся непосредственно королю. А герцог Вандомский, наместник Бретани, стал возводить укрепления. Узнав об этом, Мария Медичи страшно разгневалась, приказала собирать королевские войска и поручила командование верным ей герцогам де Гизу и д'Эпернону.

– Я слышал, монсеньор, что регентше и принцам недавно удалось договориться в Суассоне, – заметил барон де Монбар.

– Да, на созыв Генеральных штатов и отсрочку на год испанских браков Мария Медичи легко согласилась, – ответил его будущий шурин. – Но когда мы потребовали разоружения королевской армии, она заявила, что не может допустить посягательства на власть и честь её сына.

– Как же удалось преодолеть эти разногласия?

– Признаться, я сам до сих пор ничего не понимаю. По слухам, когда официальные переговоры зашли в тупик, в игру тайно вступил Кончини...

– Может, вам что-нибудь известно об этом, сын мой? – добавил Филипп, взглянув на Анри.

– Я думаю, монсеньор, вам лучше обратиться за разъяснениями к господину де Морле, – ответил тот.

Почувствовав всеобщее внимание, Александр сразу напыжился.

– Маршал д'Анкр – ловкий парламентёр, монсеньор! Он сыграл ключевую роль на переговорах в Суассоне! Одних умаслил деньгами, других – уговорил!

– В итоге получилась весёлая путаница, – насмешливо добавил Анри. – Так как официальные и тайные переговоры шли параллельно, никто так и не понял, что обещано, а что – нет.

– В конце концов, 15 мая в Сен-Менеульд был подписан договор, – продолжил Филипп. – Герцог де Невер вывел из Мезьера свой гарнизон, наша армия была распущена, Конде получил 400 000 ливров и губернаторство Амбуаза. Одному герцогу Вандомскому ничего не пообещали, поэтому он стал возводить укрепления в своём губернаторстве, в Бретани.

– Мария Медичи уже собрала против него армию в 20 000 человек, которую возглавит сам король, – сообщил Анри. – Скоро он двинется на Нант, и штатам Бретани придётся выбирать между Людовиком XIII, законным сыном Генриха IV, и его бастардом, герцогом Вандомским!

После обеда Анриетта вместе с Дианой принялась плести цветочные гирлянды для предстоящего праздника, когда в

гостиную с таинственным видом вошла Мари.

– Граф де Оре в замке? – поинтересовалась у неё сестра Анри.

– Нет, мадемуазель, – ответила служанка.

– Значит, он уехал?

– С господином графом захотела поговорить наша госпожа. От её милости он вышел словно не в себе, приказал подать лошадь и куда-то умчался.

Анриетта нахмурилась.

– Что это значит: «словно не в себе»?

– Господин граф бормотал себе под нос проклятия! – выпалила Мари.

– А ты не знаешь, о чём у них была беседа с госпожой графиней?

– Нет, мадемуазель.

После разговора со служанкой у девушки испортилось настроение. Через некоторое время появилась Марта.

– Её милость хочет поговорить с вами, мадемуазель, – сообщила она Анриетте.

По пути сестра Анри лихорадочно вспоминала, в чём она на этот раз провинилась. Ничего не придумав, девушка обратилась к экономке, сопровождавшей её:

– Ты не знаешь, Марта, что понадобилось от меня госпоже графине?

Анриетта знала, что она с детства была любимицей Марты. Немного помедлив, та ответила:

– Не знаю, мадемуазель. Но могу заверить вас, что её милость желает только добра графу де Оре и вам!

С каким-то плохим предчувствием девушка переступила порог покоев Элизабет. На стенах там висели шёлковые гобелены, переливающиеся всеми цветами радуги. В центре комнаты возвышалась кровать с балдахином и пологом из красного бархата, украшенного гербами рода Сольё. На туалетном столике, инкрустированном перламутром, стояло небольшое зеркало в золотой раме, украшенной драгоценными и полудрагоценными камнями, которую поддерживали по бокам два амура. Тут же можно было видеть стеклянные флаконы с духами, которые Элизабет изготавливала собственноручно. Ароматы розы, жасмина и амбры смешивались в тонкий пьянящий букет. На бюро с многочисленными ящичками лежала книга Монтеня «Опыты» в потёртом переплёте.

Оглянувшись по сторонам и не обнаружив хозяйку замка, Анриетта в растерянности остановилась. Внезапно её нос уловил характерный запах табака, доносившийся из-за тяжёлой портьеры винного цвета, прикрывавшей вход в туалетную комнату. Осторожно отодвинув портьеру, девушка заглянула внутрь и увидела Элизабет, полулежащую на кушетке с неизменной трубкой в зубах. При виде Анриетты графиня сунула трубку в керамическую пепельницу и, словно оправдываясь, пояснила:

– Я дала слово барону де Монбару, что больше не буду

курить, однако не сдержалась! Надеюсь, вы ничего ему не скажете?

– Нет, сударыня! – поспешила заверить её девушка. – От меня господин барон ничего не узнает!

– Вы – милая и добрая девушка...

Слова Элизабет так поразили её племянницу, что она не нашлась, что ответить.

Между тем графиня закончила:

– ...и заслуживаете самого лучшего мужа!

После чего предложила Анриетте присесть на стоявший возле кушетки табурет.

– Здесь лежит какая-то книга, – заметила девушка.

– Дайте сюда Аретино.

Протянув тётке книгу, Анриетта всё же успела прочитать по-итальянски её название: «Шестнадцать поз». Элизабет же, опершись на книгу локтем, сообщила:

– Виконтесса де Саше предлагает вам в качестве мужа барона де Морле, своего пасынка.

– Но ведь он – потомок Лалена, как и я! – воскликнула Анриетта.

– В том-то вся загвоздка!

Графиня снова потянулась к своей трубке, но потом передумала.

– Лично я против этого брака, и не только из-за проклятия Лалена. Как говорила виконтесса де Саше, моя бабушка, если хочешь узнать человека, поинтересуйся, кто его роди-

тели. О матери нынешнего барона де Морле я знаю лишь то, что она была дочерью виноторговца из Шампани и умерла вскоре после рождения сына. А об его покойном отце, который одно время считался моим женихом, не могу вспомнить ничего хорошего.

Видя, что Анриетта настолько поражена её словами, что не может выдавить из себя ни звука, Элизабет снизошла до объяснения:

– Мой бывший жених рано остался без отца, и его опекуном стал граф де Оре, мой дед, который одно время был наместником Бретани и до самой смерти хранил верность династии Валуа. В отличие от него, барон де Морле перешёл на службу к герцогу де Меркёру, отдавшему Бретань под власть Лиги. Но когда королевские войска нанесли поражение Меркёру и захватили владения Морле, господин барон поспешил объявить себя сторонником Генриха IV. Таким образом, он сохранил свои поместья и родовой замок и, запершись там, предался пьянству и разврату, отчего умер два года назад, оставив с носом всех своих многочисленных кредиторов.

– Вряд ли его сын остался в стороне от всего этого nepотребства, поэтому я считаю, что барон де Морле – вам не пара! – заключила графиня.

– Я тоже так считаю, сударыня! – согласилась Анриетта. Её же тётка продолжила:

– Жаль, что вы не можете выйти замуж за моего сына.

– Поверьте, сударыня, у меня и в мыслях не было... – по-

краснев, Анриетта запнулась.

– Я знаю, кого вы любите. Но если бы даже не существовало проклятия Лалена, эта любовь не принесла бы вам счастья. Вы слишком разные с графом де Оре.

– Умоляю вас, сударыня!

– Нет уж, дослушайте меня до конца. Согласно нашей семейной легенде, Лален был оборотнем: его волчья кровь притягивает его потомков друг к другу, как притянула когда-то нас с бароном де Монбаром. Чего мне только стоило не поддаться похоти! А Монбар был готов заплатить за обладание мной даже своей жизнью! Но я твёрдо знала, что если стану причиной его гибели, то не смогу жить с этим. Однажды мы даже вместе едва не бросились в пропасть, чтобы покончить раз и навсегда с этой мукой! Поэтому гоните прочь от себя любовь к моему сыну!

– Простите, сударыня, но я не могу понять, почему вы не вышли замуж за барона де Монбара после гибели его отца? – после паузы спросила девушка.

– Во-первых, потому, что это я убила старика!

Увидев изумление в глазах племянницы, Элизабет пояснила:

– У нас с ним были свои счёты: он привёл толпу фанатиков в дом моего отца под предлогом того, что барон де Лорьян укрывает гугенотку, и убил моих родителей. А потом этот негодяй стал преследовать меня из-за того, что его сын не хотел жениться на своей английской кузине, так как был

увлечён мной. Хотя я нисколько не жалела о том, что отомстила ему, должно было пройти время, чтобы страсти улеглись.

– Наверно, я бы не смогла убить человека, – задумчиво произнесла Анриетта.

– А я, когда старик решил заколоть меня той же самой шпагой, которой убил мою мать, предпочла первой метнуть в него кинжал!

– Простите, сударыня, я, вероятно, сужу о вещах, о которых не знаю!

– Дай вам Бог и далее пребывать в неизвестности!

– Кроме того, под давлением своего отца мой любимый всё-таки обручился с мадемуазель Паркер, – продолжила Элизабет. – Хотя потом он уверял меня, что никогда не женится на англичанке, я всё равно была сильно уязвлена и при встрече сказала ему, что выхожу замуж за графа де Сольё, своего кузена.

– Вероятно, поэтому барон де Монбар бросил своё помолочное кольцо в фонтан! – догадалась Анриетта.

– Да, это произошло во время нашего объяснения в саду.

– Нужно будет сказать графу де Оре, чтобы он не носил этот перстень!

– Теперь это уже дело прошлое. Раз Монбар подарил ему своё кольцо, граф де Оре волен поступать с ним как угодно.

– Была ещё одна причина, почему я отказала Монбару, – после молчания добавила графиня. – Случилось так, что я

отдалась королю Генриху IV и боялась, что рано или поздно Монбар об этом узнает и разлюбит меня. А графу де Сольё ни до чего не было дела, кроме своих рисунков. Хотя он по-своему любил меня, да и я привязалась к нему и ни разу ему не изменила за девять лет нашего брака. Но так и не смогла забыть любимого.

– Неужели он до сих пор ничего не знает о...

– Теперь уже знает. Я рассказала ему об этом ещё двенадцать лет назад, когда мы случайно столкнулись с ним на ярмарке в городе Сольё. Я сняла там гостиницу, где и произошло то, чего мы так долго желали. Монбар был счастлив и простил мне моё прегрешение!

– Время доказало, что ваши чувства были не простой похотью, а настоящей любовью, – задумчиво произнесла Анриетта. – Как у Ромео и Джульетты, только со счастливым концом.

– Что вы сказали? – удивилась графиня.

– Диана рассказала мне о пьесе Шекспира, которую смотрела в Англии. Она о несчастных любовниках, которые покончили с собой.

– Знала я этого Шекспира – бездарность и скряга, – пожала плечами Элизабет. – А пьесы за него пишет или мой английский адвокат, господин Бэкон, или кто-то из его друзей-аристократов, которые прикрываются именем Шекспира, дабы не уронить свою честь.

– Раз уже речь зашла о мадемуазель Кук, то скажите, что

вы думаете о ней? – вдруг спросила графиня.

– Мне кажется, что Диана – умная девушка, хотя больше значения придаёт земным благам, а не духовным богатствам.

– В таком случае она – вылитая мать! Внезапно приехав в Бургундию, баронесса застала меня и своего мужа в постели. Я предложила ей приличную ренту за то, чтобы ноги её больше не было в Монбаре, и она недолго колебалась. Жаль только, что тогда мне ничего не было известно об её дочери от Маунтджоя, иначе она не получила бы ни цента!

– А мне, вероятно, придётся выйти замуж без любви, – вздохнула Анриетта.

– Поклянитесь, что не поддадитесь искушению и не пожертвуете своей жизнью ради похоти!

– Клянусь жизнью моего брата, сударыня!

– В таком случае, хочу открыть вам тайну: граф де Оре – мой родной сын!

– Неужели вы и герцог де Оре... – Анриетта готова была провалиться сквозь землю.

– Нет, я родила старшего сына от Генриха IV.

– Выходит, я – дочь короля?

– Нет, вы – дочь герцога. Однако ни я, ни мой брат не имеем к вашему рождению никакого отношения. Чтобы спасти мою честь, герцог де Оре решил усыновить своего племянника. А потом – вас. Моего старшего сына называли в честь короля Генриха III; вы же получили своё имя благодаря названному брату.

– Умоляю вас, сударыня, скажите, кто были мои настоящие родители?

– Не могу, это не моя тайна.

Словно в подтверждении этих слов графиня решительно засунула в рот трубку. Затем, отвернувшись от умоляющего взгляда девушки, она мрачно добавила:

– Скоро вы сами всё узнаете, хотя лучше бы вам не знать!

Глава 4

Свадебные танцы

По словам графини де Сольё, ещё до разговора с Анриеттой она открыла свою тайну Анри. Это произошло случайно: Элизабет хотела сделать ему внушение из-за его дерзкого поведения с герцогом де Оре. Между матерью и сыном произошло бурное объяснение, и молодой человек вне себя выбежал из комнаты. После чего графиня рассудила, что теперь уже нет смысла держать в неведении Анриетту. Взяв с девушки обещание никому не раскрывать содержание их разговора, хозяйка Сольё отпустила её.

Вернувшись к себе, Анриетта ещё долго не могла прийти в себя. Мысли о том, кто её настоящие родители, не давали ей покоя. Если она – дочь герцога, то герцогов во Франции не так уж и много. Сначала девушка подумала о Гизе. Но потом вспомнила, что брат Элизабет всегда был верен королю, и, следовательно, вряд ли мог удочерить девочку из семьи ярых членов Лиги.

Потом мысли Анриетты обратились к названному брату: ведь им с Анри нужно было многое сказать друг другу! Однако граф де Оре вернулся только к ужину, а потом все сразу разошлись по своим спальням. На следующий день из-за су-

матохи, связанной со свадьбой графини де Сольё, разговор с Анри девушке снова пришлось отложить.

С утра в замок приехал из города нотариус, чтобы в последний раз уточнить с графиней все пункты брачного договора. Барон де Монбар прибыл ближе к обеду. Подписание контракта произошло в главной замковой гостиной, украшенной цветами. Гости и хозяева приоделись: мужчины щеголяли атласными камзолами и туфлями в цвет чулкам, а женщины – высокими причёсками и открытыми платьями, кроме виконтессы де Саше, наряд которой мало изменился. Невеста была в платье из тёмно-синего шёлка, а жених – в камзоле сизо-голубинового цвета. Что же касается Анриетты, то она предпочла ткань небесно-голубого цвета, а Диана – белого, в мелкий цветочек.

После подписания контракта все уселись за столы. Так как это был семейный обед, посторонних в зал не допустили. Лишь англичанке в виде особой милости дозволили подавать герцогу кушанья, принесённые слугами. В промежутке между переменой блюд она могла присесть на табурет. Главным блюдом был, конечно, традиционный петух в винном соусе. Кушанья подавались под звуки лютни, виолы и флейты, на которых играли приглашённые из города музыканты.

– Как ваше здоровье, сударыня? – поинтересовался во время обеда Анри у сидевшей рядом Мадлен.

В ответ кузина Элизабет со вздохом ответила:

– Я плохо сплю из-за кашля, господин граф.

– Возможно, вам следует обратиться к хорошему лекарю? Жаль, что сэр Теодор Майерн, который лечил покойного короля, перебрался в Англию. Но я могу поговорить с нынешними королевскими эскулапами.

– Благодарю вас, сударь. Врачи порекомендовали мне климат долины Луары. Поэтому я оставила службу у герцогини де Меркёр и поселилась в замке Саше, который получила в качестве своей вдовой доли.

– Скажите, господин барон, а где вы собираетесь поселиться с женой после свадьбы? – обратился Анри уже к Шарлю.

– Мы решили жить попеременно то в Монбаре, то в Сольё, – неохотно оторвавшись от лицезрения Элизабет, ответил тот.

– Вам нужно уговорить госпожу графиню поскорее женить сына. Тогда она сможет посвятить себя полностью вашим делам!

Шарль вздохнул.

– Но где найти хорошую невесту для графа де Сольё?

– А чем плоха мадемуазель Кук? Если король признает её вашей наследницей, она сразу станет завидной невестой!

Анриетта с удивлением посмотрела на названного брата, не понимая, шутит тот или всерьёз считает англичанку подходящей партией для их кузена. Однако лицо Анри оставалось непроницаемым. Монбар же после паузы ответил:

– Я считаю, что Диане ещё рано выходить замуж. Да и мы

с госпожой графиней надеемся на собственного наследника.

— По моему разумению, вам, господин граф, тоже не мешало бы задуматься о женитьбе, — добавил жених Элизабет.

— Вы говорите, как герцог де Оре! Поэтому отвечу вам такими же словами, как ему: узы Гименея меня пока несколько не прельщают! К тому же, наследников можно иметь и без брака!

В этот момент музыканты как раз прекратили играть, и последние слова Анри, вероятно, были услышаны за соседним столом, заставив Филиппа и его сестру переглянуться. Однако последнее слово осталось за бароном де Монбаром.

— Я думаю, что в нашем роду слишком много холостяков. Поэтому будем надеяться, что вскоре за моей свадьбой в Соляе последуют и другие!

Когда все насытились, решено было потанцевать. Герцог де Оре пригласил сестру, в то время как жених сослался на собственную неуклюжесть и отказался принять участие в танцах. Компанию ему составила Мадлен, не танцевавшая из-за статуса вдовы. Когда пришёл черёд Анри выбирать себе партнёршу, сердце его названной сестры замерло в предвкушении. Тем не менее, молодой человек неожиданно выбрал не её, а Диану. Анриетту же пригласил Луи Кристоф.

— Я рад, что ваш брат выбрал своей партнёршей мадемуазель Кук, — сказал он девушке.

— Почему, кузен?

— Иначе её пришлось бы пригласить мне. Хотя, нужно от-

дать должное этой англичанке — она неплохо танцует.

Покосившись в сторону вышеназванной парочки, девушка была вынуждена согласиться с кузеном: двигалась Диана действительно грациозно. Затем Анриетта подумала, что её желание сбылось: над ней теперь тоже не довлеет проклятие Лалена. Следовательно, трёх молодых людей, находящихся в зале, она может рассматривать как своих потенциальных женихов.

По мнению графини, Анриетте больше всех подходил Луи Кристоф. В жилах этого молодого человека текла кровь древнего бургундского рода, и сам он был красив, высок и строен. В детстве Элизабет опасалась, что её законный сын унаследует странности своего отца. Но, к счастью, этого не произошло: хотя Луи Кристоф неплохо рисовал, он быстро забросил это занятие. Комната молодого графа де Сольё была заставлена книгами, где среди трактатов по военному делу и истории находились и пыльные тома по астрологии. В отличие от брата Анриетты, он не стыдился того, что кроме древних языков знал два современных: итальянский и испанский. Пожалуй, главным его недостатком была вспыльчивость. Однажды, когда Луи Кристоф был еще мальчишкой, шут Юро решил передразнить сына своего хозяина. В ответ мальчик схватил тяжёлую фруктовую вазу, стоявшую на столе, и бросил её в шута. К счастью, Юро успел увернуться, а покойный граф де Сольё, оторвавшись от своего рисунка, спокойно сказал сыну: «Не нужно обижать моего

друга. Помириться с ним». Луи Кристоф послушно подошёл к столу, взял из вазы самое румяное яблоко и протянул его Юро. Таким образом, он был не только вспыльчив, но также отходчив и щедр. Увы, все мысли и чувства Анриетты были заняты совсем другим молодым человеком.

Когда танец закончился, Филипп, усевшись рядом с Мадлен, добродушно произнёс:

– Пусть молодёжь потанцует, а мы пока побеседуем с вами, дорогая кузина.

На этот раз, к радости Анриетты, Анри пригласил на танец её, а Луи Кристоф – свою мать. Видя, что его протеже осталась без партнёра, Шарль поспешил ангажировать Диану. Танцевал он действительно плохо, и раз или два наступил англичанке на ногу, но та не подавала виду, что ей больно, и продолжала улыбаться.

– Мадемуазель Кук – храбрая девушка, если осмелилась танцевать с бароном де Монбаром, – прокомментировал их танец Анри.

Анриетта же прошептала:

– Поклянитесь, что не испортите праздник в Сольё! Герцог де Оре усыновил нас, а графиня де Сольё – воспитала, поэтому они оба заслуживают нашего уважения!

– Обещаю, что впредь буду вести себя учтиво, – нехотя пообещал Анри.

– И ещё – нам нужно поговорить.

– О чём?

- О нас.
- Вы меня заинтриговали.
- Давайте встретимся в полночь в библиотеке.
- Хорошо, сестрица.

Несмотря на средний рост, в фигуре Анри чувствовалась сила. При этом двигался он с той же непринуждённой грацией, с какой преследовал оленя в парке или ловко уворачивался от ударов шпаги. Граф де Оре был из породы тех людей, кто не бросается в бой сломя голову, но и не отступает перед лицом опасности. Ему нравились охота и подвижные игры, а не толстые фолианты, привлекавшие Луи Кристофа. Книгам названный брат Анриетты предпочитал живое общение. Его глаза с поволокой излучали какой-то особенный свет, притягательный для окружающих, а родинка на правой щеке сводила с ума дам, за которыми граф де Оре с удовольствием волочился. В глубине души Анриетта понимала, что Анри был идеальной кандидатурой для любовника, а не мужа. Но сердцу не прикажешь...

Когда танец закончился, герцог де Оре вдруг спросил у Мадлен:

- Ваш пасынок танцует?
- Я не знаю, монсеньор, – ответила та.
- Хотите потанцевать, господин де Морле? – обратился Филипп уже непосредственно к Александру.
- Я бы с удовольствием, монсеньор, но не вижу подходящих девиц...

– Надеюсь, моя дочь вас устроит?

Больше танцевать никто не захотел, и, к неудовольствию Анриетты, ей пришлось принять приглашение Морле, которого ей предлагала в женихи Мадлен. Так как Александр был на полголовы ниже её, девушке казалось, что присутствующие, глядя на их пару, посмеиваются. Морле было уже за тридцать, но выглядел он, как и его мачеха, старше из-за глубоких морщин на лбу и красных прожилок на белках чёрных глаз, один из которых косил. Волосы у него были сальные, а борода – куцая. Малый рост делал его почти незаметным среди других мужчин, и Анриетте казалось, что лицо и фигуру Александра словно окутывает какая-то тень. Хотя, возможно, она просто читалась романов. За всё время танца Морле не произнёс ни слова, и девушка была этому рада. О чём ей было говорить с этим бретонцем? Закончились танцы бранлем или бурре – общим хороводом с медленными, грациозными движениями.

Как только начало темнеть, герцог де Оре повёл свою сестру в замковую часовню. Невесту, державшую в руках букет из розмарина и миртовых веток, сопровождали подружки: Анриетта и Диана. К часовне вела одна из боковых галерей, с одной стороны которой тянулся ряд окон с ромбовидными стёклами, а другая была украшена картинами на религиозные темы. Сама часовня находилась в круглой башне, где возле алтаря уже ждал жених с двумя свидетелями: Анри и Луи Кристофом. Само же таинство венчания довери-

ли провести капеллану, которому помогал деревенский священник. В часовне присутствовала и Мадлен с пасынком.

После обмена согласиями капеллан благословил кольца, а священник накинул на плечи пары вуаль и связал шнуром их руки (символ единства). Кроме обещания верности друг другу, жених и невеста дали «клятву винограду», как это было принято в Бургундии. Когда новобрачные и гости вернулись в зал, то увидели длинный ряд столов, где был накрыт роскошный ужин и мерцали сотни свечей.

В свадебном пиршестве приняли участие и дворяне из свиты герцога де Оре, а также кое-кто из соседей. Столы ломились от яств: фаршированные каплуны, дичь, запечённая с травами, изысканные пироги с фруктами и орехами. Слуги в ливреях разливали лучшие заморские, французские и местные вина, в том числе урожая года знакомства молодожёнов. Десерты были отдельной гордостью графини: марципановые фигуры, цукаты, фруктовые желе.

Гостей развлекали актёры, приглашённые из Дижона, и музыканты. Покончив с ужином, новобрачные отправились в хозяйственный двор, освещённый горящими факелами, чтобы принять поздравления от слуг и вассалов.

За стенами замка местные жители разожгли костры в честь своей госпожи и её мужа. По приказу графини открыли ворота и пустили во двор всех желающих принять участие в празднестве. Крестьяне в своих лучших одеждах, ремесленники, их жёны и дети – все пришли отдать дань уважения

новобрачным. Вдоль каменных стен, словно грибы после дождя, выросли импровизированные столы из старых досок, бочек и чурбанов. На них уже дымились деревянные подносы, наполненные ароматной бургундской говядиной, а рядом стояли глиняные кружки, готовые принять щедрую порцию вина. Во двор также выкатили бочки с янтарным напитком, а пустые бочонки служили удобными сиденьями для тех, кто предпочитал более спокойное застолье.

Люди постарше чинно расселись за столами. Молодежь же, полная энергии и задора, не могла усидеть на месте. Как только первые звуки музыки донеслись из глубины двора, парни и девушки закружились в танце. Музыканты, перекочевавшие сюда из гостинной вместе со своими инструментами, создавали живую, зажигательную мелодию, которая, казалось, проникала в самые сердца.

Шарль, Элизабет, её сыновья и Диана поспешили присоединиться к весёлому хороводу. Анриетта же, как и герцог де Оре, не одобрявшая «единения с народом», лишь наблюдала. Она с нетерпением ждала полуночи, чтобы поговорить с Анри. Сердце девушки сладко сжималось от мысли, что тот заключит её в объятия и скажет, что любит её вовсе не как брат. Но, увидев, что Анри снова пригласил англичанку на танец, Анриетта спустилась с небес на землю. В отличие от неё, Диана танцевала с удовольствием и не имела недостатка в партнёрах.

Наконец, в полночь новобрачные отправились в пригото-

ленную для них спальню. Молодые люди остались в хозяйственном дворе, где праздник должен был длиться до утра, а девушки вернулись в свои комнаты. Переодевшись в ночной чепец и сорочку, Анриетта спросила у служанки:

– Куда это ты так вырядилась, Мари? Разве ты не собираешься спать?

– Нет, мадемуазель, – ответила та. – Все слуги в замке сейчас веселятся, и мне матушка тоже разрешила потанцевать.

Ничего больше не сказав, девушка отпустила служанку. Ей было на руку то, что главное здание опустело, и никому сейчас не было дела до неё.

С глиняной лампой в руках Анриетта осторожно ступала по каменным плитам пола. Её шаги эхом отдавались в полумраке. Примыкавшая к библиотеке галерея, в отличие от той, что вела в часовню, была украшена росписями, вызывавшими у девушки смешанные чувства. Днём, проходя мимо, она стыдливо отводила взгляд от чувственных сцен, изображавших миф о Венере и Адонисе. Богиня любви была представлена здесь во всей своей земной красе, как и юный охотник с полуобнажённым торсом. Его образ смущал и волновал Анриетту. Возможно, потому, что напоминал ей Анри.

Открыв дверь библиотеки, она обнаружила, что внутри кто-то есть. Высокие книжные стеллажи вдоль стен были очерчены мягкими контурами. На витражных окнах, сохранных в двух башнях, играли золотые отблески. В центре комнаты, на массивном дубовом столе стоял бронзовый под-

свечник с горящей свечой. Рядом лежала раскрытая книга, которую, подперев щеку, читала... виконтесса де Саше.

– Простите, сударыня, что помешала вам, – пробормотала девушка. – Я сейчас уйду!

– Прошу вас, останьтесь! – живо произнесла Мадлен. – Мне нужно поговорить с вами!

Анриетта послушно села на табурет напротив неё, одновременно прислушиваясь, не раздадутся ли шаги Анри. В отличие от девушки, виконтесса явно не спешила. Окинув взглядом стеллажи, она печально произнесла:

– Моя бабушка перевезла из Саше в Сольё большую часть библиотеки моего отца. В том числе, любимую книгу моей матушки «Город женщин» Екатерины Пизанской. Мне захотелось перечитать её.

– Графиня де Сольё постоянно выписывает книги, – машинально ответила Анриетта, которая сидела как на иголках. – Поэтому здесь много новинок.

– А в молодости моя кузина не любила читать.

Ограничившись этим замечанием, Мадлен, по-видимому, приступила к главному:

– Что вы думаете о моём пасынке?

– Я плохо знаю господина де Морле, – осторожно ответила девушка.

– Если вы согласитесь выйти за него замуж, я завещаю вам своё имение Саше. Кроме того, вы сможете претендовать на титул виконтессы!

Благодаря предупреждению Элизабет, слова Мадлен не удивили девушку.

– Герцог де Оре вряд ли согласится отдать мою руку потомку Лалена.

– С кузеном я уже поговорила. Он сказал, что даст своё согласие, если только вы тоже согласитесь!

– Графиня де Сольё посоветовала мне не выходить замуж за господина де Морле.

– Причём тут моя кузина? – раздражённо сказала Мадлен.
– Она ведь вам не мать!

– Я привыкла доверять её суждению. Моя тётушка меня воспитала.

– Да, потому что за это ей заплатили!

– Если вы так хорошо осведомлены, сударыня, то, может, знаете, кто были мои настоящие родители?

Видя, что Мадлен молчит, девушка добавила:

– В таком случае, мне больше нечего сказать, и, с вашего разрешения, я вернусь к себе.

Однако не успела она подняться, как её собеседница воскликнула:

– Я – ваша родная мать!

Глаза Анриетты расширились от изумления.

– А кто мой отец? – поинтересовалась она после паузы.

– Герцог де Меркёр.

В этот момент названная сестра Анри вспомнила слова Элизабет: «Лучше бы вам не знать!» Тогда девушка не при-

дала им значения, но сейчас они обрели новый, зловещий смысл. Признание Элизабет повредило привычный кокон Анриетты, а Мадлен его окончательно разрушила. Но хватит ли у неё сил, чтобы взлететь, теперь, когда она узнала, что всё-таки принадлежит по материнской линии к проклятому роду Лалена?

Тем временем Мадлен начала свой рассказ:

– Если вы выслушаете меня до конца, то поймёте, почему я добиваюсь вашего брака с моим пасынком. Более века назад мой прадед, флорентийский банкир из рода Нери, решил попытать счастья во Франции. Он построил в Париже Дом Льва, поместив над дверью изображение этого символа флорентийцев, открыл банковскую контору и лавку, и вскоре его состояние выросло как на дрожжах. Мессир Ипполито, мой отец, был достойным продолжателем семейного дела: человеком чести, хладнокровным и практичным. Он владел обширными поместьями во Франции, его счета в зарубежных банках ломились от золота, а ценные бумаги торговых компаний приносили ему баснословные доходы. Вдобавок он унаследовал от отца титул виконта де Саше. Моя же матушка, Шарлотта д'Эворт, женщина добрая и набожная, происходила из обедневшей дворянской семьи и получила небольшое приданое. Она очень любила читать и передала эту страсть мне. Я росла в Доме Льва вместе с нынешним герцогом де Оре и его сестрой. Его светлость был моей первой любовью, но у судьбы имелись на меня свои планы. Мой

отец обручил меня с сыном банкира Сардини, самого богатого человека во Франции. Вскоре после этого моя матушка отправилась в Шампань, чтобы навестить умирающего отца. По пути её захватили лигисты и потребовали огромный выкуп. Так как мой отец тогда находился по делам в Англии, выкуп платить было некому, а Сардини отказался помочь. Узнав по возвращении о гибели своей жены, виконт де Саше разорвал мою помолвку и решил выдать меня замуж за сына своего кузена, барона де Монбара. Одновременно с ним в Париж приехал ныне покойный барон де Морле, жених моей кузины. Но она наотрез отказалась выходить за него замуж, и бретонец начал присматриваться ко мне...

Вздохнув, Мадлен после паузы продолжила:

– Потом отец снова уехал в Англию, и Морле уговорил меня бежать с ним. Добравшись до Бретани, мы обвенчались в его замке. Однако мой муж не спешил исполнить свой супружеский долг, потому что знал о проклятии Лалена. Тем временем виконт де Саше подал на него жалобу герцогу де Меркёру, правителю Бретани. Но если бы мой брак признали недействительным, я была бы опозорена. Поэтому отец согласился простить зятя, и в Нанте я обвенчалась повторно уже с соблюдением всех формальностей в присутствии герцога де Меркёра и его супруги. После этого меня зачислили в свиту Марии Люксембургской. Вскоре я узнала о смерти отца и не успела оправиться от горя, как меня постиг новый удар...

Мадлен снова немного помолчала, словно собираясь с силами.

– Мой супруг снял дом в Нанте, где я могла бы провести дни траура по отцу. Однажды ночью он пришёл в мою спальню. Через два месяца я узнала, что жду ребёнка, и, так как очень плохо чувствовала себя, то, отпросившись у герцогини, поехала в Морле. Мне казалось, что муж обрадуется, узнав о моём положении, но вышло всё наоборот. Барон де Морле успел навеститься в Саше, где было открыто завещание моего отца. Муж надеялся, что виконт де Саше оставит всё состояние мне как единственной дочери. Но отец разделил всё имущество на три части между мной и своими племянниками: графом де Оре и графом де Сольё. Это взбесило барона де Морле, и он признался, что ему были нужны только мои деньги, а наследник у него уже есть от первой супруги. Потом добавил, что продал мою девственность Меркёру и ему не нужен мой бастард. Муж отправил меня рожать в Шампань, где у него было небольшое имение, полученное в наследство от деда. И приказал не возвращаться с ребёнком!

– А почему вы не пожаловались на супруга герцогу де Меркёру? – не выдержала Анриетта.

Её мать покачала головой.

– Меркёр вряд ли признал бы вас своей дочерью, потому что целиком зависел от своей жены, считавшейся наследницей Бретани. Я напрасно опозорила бы себя и потеряла расположение герцогини. К тому же Морле пригрозил мне, что

его приятели подтвердят, будто спали со мной. Мой отец был в могиле, и защитить меня было некому.

– А как же ваши другие родственники?

– Мне было очень стыдно перед виконтессой де Саше, моей бабушкой, за мой побег. К тому же она тяжело пережила гибель единственного сына. Я просто не могла смотреть ей в глаза! Как и остальной родне.

– После родов я не захотела оставлять вас у деревенской кормилицы и отправилась в ближайший город Труа, чтобы найти вам хороших приёмных родителей, – продолжила Мадлен. – Там я неожиданно встретила свою кузину с младенцем. Первая моя мысль была, что она вышла замуж...

– Графиня де Сольё призналась мне, что родила старшего сына от покойного короля, – видя, что её собеседница умолкла, сказала Анриетта.

– Я попросила её забрать вас к себе, а взамен пообещала отцовскую долю в Венецианской компании в Лондоне, доставшуюся мне в наследство. Тогда англичане как раз высадились в Бретани, и я думала, что эти бумаги ничего не стоят. Но после преобразования Венецианской компании в Ост-Индскую компанию они резко подскочили в цене. Во Франции тогда наступил мир, и моя кузина, воспользовавшись своими связями в Англии, стала получать со своей доли хороший доход.

– Да, нынешнее благосостояние Сольё основывается во многом на прибыли с бумаг Ост-Индской компании, – согла-

силась Анриетта.

– Но я не жалею, что отдала их! Ведь благодаря этому моя кузина воспитала вас наравне со своими детьми, а герцог де Оре согласился вас удочерить.

– Судьба иногда любит пошутить, – с горечью добавила Мадлен, – ведь когда-то я мечтала выйти замуж за своего кузена.

– А теперь вы хотите, чтобы я повторила вашу судьбу, сударыня? – спросила девушка. – Наверняка ваш пасынок знает о проклятии Лалена!

– Да, ему всё известно. Но отец оставил барону де Морле только долги. Поэтому он готов жениться на вас ради денег!

– А зачем вам это нужно?

– Я хочу открыто называть вас дочерью и оставить вам то, что уцелело от состояния ваших предков. Но смогу это сделать, если только вы станете супругой Морле, иначе он может оспорить моё завещание в суде и тогда вскроется моя позорная тайна. Вы, моё дитя, должны получить то, что причитается вам по праву. Ведь ближе вас у меня больше никого нет на свете!

– Если вы говорите правду, то почему не навестили меня ни разу в Сольё?

– Из-за проклятия Лалена я отказалась от самого дорогого, от вас, чтобы не иметь больше бастардов. Клянусь, что спала с Меркёром только один раз, и, чтобы искупить свою вину перед его женой, почти пятнадцать лет служила ей ве-

рой и правдой. Надеюсь, мне это зачтётся, когда я предстану перед ликом нашего Творца!

– Но почему вы решили открыться мне именно теперь?

– Я неизлечимо больна, и, по словам врачей, мне осталось не больше года. Поэтому хочу провести свои последние дни в обществе родной дочери!

– Прошу вас, дитя моё, согласитесь на брак с моим пасынком! – со слезами на глазах добавила Мадлен. – Конечно, он – не самый лучший жених, потому что разорён и ещё в юности, по примеру отца, вступил на путь расточительства и пьянства. Но вам не придётся с ним жить: вы поселитесь со мной в замке Саше. Надеюсь, из-за своих пороков барон де Морле недолго проживёт. Тогда вы станете себе хозяйкой и выйдете замуж, за кого захотите!

Глава 5

Охота

Несмотря на мольбы матери, Анриетта не дала ей определённого ответа, потому что не хотела вступать в фиктивный брак. Вернувшись в свою комнату, она долго не могла уснуть, пытаясь вспомнить всё, что ей было известно об отце. Её родственники обычно отзывались о Меркёре в негативном ключе из-за того, что он был видным членом Католической лиги и, захватив Бретань во время религиозных войн, пытался сделать из этой провинции собственное королевство под предлогом того, что его супруга была наследницей герцогов бретонских. Сам Филипп Эммануэль принадлежал к семье герцогов лотарингских, но, хотя был единокровным братом королевы Луизы, супруги короля Генриха III, унаследовал от отца лишь небольшое герцогство Меркёр. В борьбе за Бретань он призвал на помощь испанцев против короля Генриха IV. Несмотря на то, что его союзники потерпели поражение, герцог с остатками своих сил продолжал сопротивление до весны 1598 года. Только тогда он заключил мирный договор с Беарнцем и согласился на брак своей единственной законной дочери с Цезарем Вандомским, внебрачным сыном Генриха IV, за что получил от короля четыре миллиона ливров.

Позднее Меркёр поступил на службу к императору и принял участие в боях против турок-османов. Возвращаясь в Лотарингию в 1602 году, он умер от болезни.

Так как Анриетта не знала отца при жизни, он по-прежнему оставался для неё чужим. А вот мать ей было искренне жаль.

На следующий день после обеда решено было совершить верховую прогулку в Морванское ущелье. Одна Мадлен отказалась ехать, сославшись на плохое самочувствие. Хотя Анриетта тоже почти всю ночь не спала, ей хотелось развеяться. Ведь после вчерашнего разговора с виконтессой в библиотеке она не могла думать ни о чём другом.

Размышляя обо всём этом, девушка не заметила, как вместе со своими спутниками миновала живописный городок Сольё, раскинувшийся у подножия дикого и холмистого гранитного массива Морван. Добравшись туда, путешественники решили остановиться на берегу озера. Послеполуденное солнце играло бликами на водной глади, заросшей жёлтыми кувшинками. Анриетта, чьё сердце всегда отзывалось на красоты природы, была в восторге. Её взгляд скользил по зелёным холмам, усыпанным золотистыми ирисами, и по величественным возвышенностям, которые местные жители называли Чёрными горами. Покрытый густыми лесами и пронизанный сетью стремительных рек, Морван был настоящим раем для диких животных. Здесь, среди вековых деревьев, обитали муфлоны, благородные олени, дикие коты, фазаны

и ястребы. Однако эти земли были вовсе не такими безлюдными, какими казались. Ещё в средние века монахи-цистерцианцы нашли здесь уединение, основав несколько обителей и часовен.

Пока Анриетта наслаждалась красотой этого места, слуги расставили на траве мишени для стрельбы из лука. Герцог де Оре первым бросил вызов Шарлю:

– Ставлю мой перстень с алмазом, дорогой зять, что победа будет за мной! А в пару я возьму себе месье Клода!

После этих слов Филипп подозвал к себе своего пажа и, по-хозяйски положив руку ему на плечо, добавил:

– Этот молодой человек прекрасно стреляет из лука!

– Гораздо чаще господин де Леру служит мишенью, и тогда герцог вряд ли промахивается, – не удержался от злой иронии Анри.

В ответ Луи Кристоф криво усмехнулся, а Анриетта демонстративно заткнула уши. Диана же, судя по её безмятежному виду, ничего не поняла, как и Александр. Или, возможно, Морле сделал вид, что ничего не понял.

– Кто будет вашим партнёром? – тем временем поинтересовался герцог у зятя.

– Конечно, моя жена, монсеньор! – ответил Шарль, слегка прикоснувшись к руке Элизабет.

– А какова ваша ставка?

Прежде, чем её муж успел открыть рот, графиня де Сольё показала брату золотой браслет с рубином:

– Надеюсь, монсеньор, вас устроит это украшение?

– Устроит, дорогая сестра!

– Если мы выиграем, браслет – ваш, дитя моё, – Филипп игриво потрепал пажа по щеке.

В ответ «дитя», чьё миловидное лицо уже украшали первые юношеские усики, с готовностью кивнул.

– Я буду стараться изо всех сил, ваша светлость!

Анри же поинтересовался у Луи Кристофа:

– Вы на кого будете ставить, кузен?

– Конечно, на матушку!

– Тогда я – на его светлость.

– А какова ставка?

– Ужин в «Золотом петухе».

– Согласен, кузен!

Клод де Леру действительно стрелял метко, но удача сегодня была явно не на их с герцогом стороне. Когда состязание закончилось, Александр, подсчитывавший очки, объявил:

– Победили госпожа графиня и господин барон!

– Ваш выигрыш, сестрица, – Филипп с кислым видом протянул свой перстень Элизабет.

– Благодарю вас, монсеньор.

Но вместо того, чтобы надеть на палец кольцо, графиня вручила его Шарлю.

– Это мой подарок вам, дорогой супруг!

Луи Кристоф же с гордостью заметил Анри:

– Матушку никто никогда не мог превзойти в стрельбе

из лука и пистолета! Недаром в Летучем эскадроне ей дали прозвище «Амазонка»!

Когда наступила очередь молодёжи соревноваться, Анри заявил:

– Я возьму себе в пару мадемуазель Кук!

– В таком случае, мы с кузиной принимаем ваш вызов! – азартно ответил Луи Кристоф. – Ставлю борзого щенка на ваш перстенёк с рубином!

– По рукам, кузен!

– Ну, а что получим мы с мадемуазель Кук в случае выигрыша? – шутливо поинтересовалась Анриетта.

Анри тоже усмехнулся.

– Поцелуй, дорогая сестра!

Переглянувшись с англичанкой, Анриетта спросила у неё:

– Что вы об этом думаете?

– Я думаю, мадемуазель, что поцелуй мужчины – скорее оскорбление, чем награда для девицы, – серьёзно ответила та.

– В таком случае, поцелуй от победителя получит та, что проиграет, – предложил Анри.

Решив, что её названный брат шутит, Анриетта не стала возражать. Она не любила брать в руки оружие и плохо стреляла из лука, поэтому надеялась на партнёра. Однако стрелы Луи Кристофа летели точно в цель, когда он был абсолютно спокоен. Видя, что противники опережают их по очкам, граф де Сольё стал нервничать.

– Соберитесь же, дорогая кузина, – прошипел он на ухо Анриетте. – Берите пример с мадемуазель Кук!

И тут он был прав: Диана редко промахивалась. Даже герцог признал:

– Ваша названная дочь, дорогой зять, и впрямь стреляет, как богиня-охотница!

– Выиграли граф де Оре и мадемуазель Кук! – подвёл итог Александр.

– Ну что же, кузен, щенок ваш! – со вздохом произнёс Луи Кристоф.

После чего тихо добавил так, что слышала только его партнёрша:

– Одно хорошо: мне не придётся целовать мадемуазель Кук!

Анри же, похлопав единоутробного брата по плечу, сказал:

– Не грустите, кузен! Я сегодня же угощу вас ужином в «Золотом петухе»!

Пока слуги убрали мишени и расстилали на траве скатерть, чтобы господа могли подкрепиться, Филипп решил прогуляться по берегу озера с сестрой и зятем. Александр тоже скрылся за кустом, вероятно, по нужде. Воспользовавшись этим, Анри подошёл к Анриетте и заявил:

– Вам придётся заплатить мне за проигрыш, сестрица!

– Охотно, дорогой брат! – девушка всё ещё думала, что это шутка.

– Вы приходили вчера в библиотеку? – прошептала она затем.

– Вчера? Ах да, я совсем забыл! Простите, сестрица!

– Я вас прощаю. Но когда мы теперь сможем поговорить? Ведь в Сольё по приказу тётушки за нами постоянно следят!

– Я что-нибудь придумаю. А теперь – поцелуй!

Не успела Анриетта опомниться, как молодой человек положил руку ей на талию и одновременно крепко поцеловал в губы. Это был не тот игривый, мимолётный поцелуй, которым они обменивались раньше: в нём появилось что-то такое, что заставило сердце девушки забиться быстрее.

При виде этой сцены Луи Кристоф демонстративно отвернулся, а Диана приоткрыла свой ротик. Но Анриетте было всё равно: она твёрдо решила, что не выйдет замуж за Морле! Пусть даже им с Анри не судьба быть вместе!

На третий день была назначена охота. Между замками Сольё и Монбар располагался большой лес. Поэтому по пути во владения новобрачного решено было подстрелить несколько оленей. Мадлен тоже отправилась вместе со всеми, правда, в карете. По-видимому, матери Анриетты хотелось посмотреть на замок Шарля. Вместе с каретой по лесной дороге также двигался обоз со слугами. Несмотря на заверения мужа, что в Монбаре всё готово к приёму гостей, Элизабет предусмотрительно захватила с собой шпалеры, мебель для спальни, одежду, столовую утварь, продукты и ещё кое-какую мелочь, без которой не могла обойтись.

Во время охоты графиня в который раз доказала, что недаром в молодости носила прозвище «Амазонка». Она ни в чём не уступала мужчинам. Анриетта же, прилагавшая все усилия, чтобы не отстать от других и не потеряться в лесу, как-то упустила из вида англичанку. Когда охотники съехались на поляне, где слуги свеживали тушу оленя, оказалось, что нет Дианы. Посовещавшись, мужчины решили разделитьсь, чтобы начать поиски девушки. Однако Элизабет не рвалась ехать с ними. Усевшись на траву рядом с Мадлен и Анриеттой, она с досадой пожаловалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.